

“Новая” теория естественного права и ее критика.

Научный руководитель – Полякова Наталья Валерьевна

Ланчава Александр Игоревич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: beltamel@hotmail.com

Концепция естественного права зародилась еще в Античности и с тех пор привлекала внимание философов и мыслителей каждой эпохи. Значимое место в рамках традиции естественного права занимает фигура Фомы Аквинского, чье творчество послужило основой для нового направления в теологии и философии - томизма. Современные томисты, основываясь на естественно-правовой концепции, предлагают оригинальные решения актуальных моральных и социально-политических проблем современности, что заставляет внимательно изучить их творчество.

Представители “новой” теории естественного права, оформившейся в рамках томизма, среди которых такие авторы как Дж. Финнис, Г. Гризес, Дж. Бойл и др., предлагают своеобразную интерпретацию, цель которой - избежать юмовской критики невозможности перехода от фактов к долженствованию. Интересно отметить, что уже сама попытка решить подобную проблему вызвала резкую реакцию некоторых консервативных авторов, в частности: Генри Вэйч обвинил “новых” теоретиков в желании сделать себе имя на извращении традиции с давней историей [5]. Причина такой критики - смена самого основания теории естественного права. Рассматриваемые авторы начинают разработку своего “естественно-правового” метода не с рассуждений о сущности Бога или природы человека, что характерно для консервативных трактовок, а с установления базового принципа человеческого поведения. В качестве такового выступает первый принцип практического разума: “Следует стремиться к благу и его достижению, а зла следует избегать.”

Под благом понимается не абстрактный идеал, а конкретный набор базовых доморальных ценностей, что позволяет сохранить определенную видимость объективности, присущую классическим трактовкам, основанным на существовании реального порядка в природе. Ценности при этом делятся на две категории: субстанциональные блага, которые не связаны с выбором, и стремление к которым можно было бы назвать естественным, хотя этого термина авторы намеренно избегают (жизнь, включающая в себя поддержание здорового состояния и продолжение рода; знание и эстетический опыт; определенная степень совершенства в работе и игре) и рефлексивные блага, достижение которых сопряжено с осознанным выбором (гармония во взаимоотношениях между людьми и их группами; внутренний мир; последовательность и непротиворечивость в поступках, мыслях и действиях; гармония со сверхъестественным порядком) [2].

Следует отметить, что связь с традиционным томизмом сохраняется, т.к. человек рассматривается как разумное существо, действующее в соответствии с определенной целью, но присутствуют и серьезные расхождения. Так все перечисленные блага являются равными по своему статусу и не выстроены в иерархической последовательности, что вызывает критику со стороны консервативных авторов, которые указывают, что в классической традиции естественным правом является лишь участием человека в праве Божественном [3], а, значит, религия имеет более высокий статус и определяет поведение субъекта. С другой стороны, светских либеральных теоретиков не устраивает само наличие религии в списке базовых благ, то есть «новая» теория оказывается в двояком положении.

Дальнейшее расхождение проявляется в том, как субъект познает те блага, к которым стоит стремиться. Авторы не обращаются к метафизике или теологии, а утверждают самоочевидность данных благ: они не осознаются как таковые в ходе жизни и накопления опыта, а немедленно схватываются при совершении действия, при этом их врожденный характер или связь с интуицией также отрицается. Тан Сяо Хон замечает, что подобный подход создает даже больше проблем, чем классическая апелляция к существованию Бога как создателю права, т.к. возможна хотя бы дискуссия по поводу его существования. Утверждение самоочевидности также задает абсолютистский характер рассуждений о наборе благ, что не позволяет привлекать данные антропологии и психологии [4]. Единственный аргумент предоставлен в связи с рассмотрением знания как блага: если кто-либо утверждает, что знание не ценно само по себе, то он тем самым вносит вклад в рациональную дискуссию, а значит хочет доказать то, что считает истинным, но он не стал бы этого делать, если бы не ценил знание. Демонстрация данного противоречия указывает на невозможность опровергнуть ценность знания, правда при этом и не показывает его напрямую.

Но блага сами по себе являются лишь доморальными, мы вступаем в область морали только делая выбор и совершая соответствующие поступки. В своем выборе следует руководствоваться так называемым первым принципом морали: “Добровольно действуя, дабы приобрести человеческие блага и избежать того, что ими не является, следует выбирать и стремиться к тем и только к тем возможностям, которые совместимы со стремлением к интегральному развитию человека”. Данный принцип дополняется целым рядом более конкретных требований, необходимых для нравственного поведения: наличие ясного плана жизни; отсутствие произвольности в предпочтении той или иной ценности; отсутствие произвольности предпочтения между людьми; достаточная степень отрешенности; достаточная степень приверженности, эффективность в действиях по достижению блага; внимание к каждой основной ценности в каждом поступке; внимание к общему благу; согласие с совестью [1].

Концепция идеала интегрального развития и подпункты выполняют сразу несколько функций в рассматриваемой теории. Во-первых, они призваны расширить сферу интересов человека за пределы его собственного благополучия, ведь с точки зрения достижения благ даже дружба может служить эгоистическому интересу. Во-вторых, пункт о необходимости жизненного плана служит заменой объективной иерархии благ, которая существовала в классических трактовках. Жизненные приоритеты становятся объектом выбора морального субъекта, что многим критикам показалось привнесения кантианства в томистскую традицию. В-третьих, еще раз подчеркивается важность каждого из благ и невозможность игнорирования какого-либо из них в ущерб другим. Данный пункт является важным маркером противостояния приверженцев “новой” теории естественного права с последователями “консеквенциализма” (относительного нового направления в католической моральной теологии, в рамках которого поступки оцениваются исходя из конечно достигнутого блага).

Спор этих школ отчасти напоминает философские дебаты прошлого между утилитаристами и кантианцами, в котором одни ориентируются на результат, а другие обращают внимание на средства достижения цели, на существование определенных императивов и границ, которые ни при каких обстоятельствах нельзя нарушать. Такая ситуация связана с самой историей Католической Церкви, которая лишь после Второго Ватиканского Собора позволила проводить более свободные изыскания в вопросах морали.

Проведенное исследование показало двойственный характер “новой” теории естественного права. Попытка модернизации порождает целый ряд противоречий, т.к. реализм и

теоцентризм томизма противоположен антропоцентризму и умеренному скептицизму кантианства, элементы которого авторы пытаются заимствовать. Тем не менее, дебаты вокруг данных вопросов внесли положительный вклад в современную дискуссию о естественном праве и заслуживают дальнейшего изучения, в том числе в контексте политической философии, поскольку позволяет глубже рассматривать такие проблемы, как ограничение политической власти или роль судебной системы в современном государстве.

Источники и литература

- 1) Финнис Дж. Естественное право и естественные права. Москва: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 135-166.
- 2) Grisez G., Boyle J. M., Finnis J. Practical Principles, Moral Truth, and Ultimate Ends. // American Journal of Jurisprudence. Issue 32. 1987. P. 107-108.
- 3) Hittinger R. The First Grace: Rediscovering the Natural Law in a post-Christian World. Wilmington, Delaware: ISI Books, 2007. P. 9.
- 4) Tan Seow H. Justification in Finnis' Natural Law Theory. // Singapore Journal of Legal Studies. December, 2000. P. 597-599.
- 5) Veatch H. Natural Law and the "Is" – "Ought" Question. // The Catholic Lawyer. Vol. 26. No. 4. Autumn, 1981. P. 252.